

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.07

Правильная ссылка на статью:

Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского народа и современный кризис этнического национализма / Ю. П. Шабает, А. П. Садохин, А. Ю. Кузнецова, Н. В. Шилов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 125—148. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.07.

For citation:

The Russian North in historical dynamics: the failure of the project of the Russian cultural 'pantry' / Yu. P. Shabaev, A. P. Sadokhin, A. Yu. Kuznetsova, N. V. Shilov. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 125—148. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.07.

Ю. П. Шабает, А. П. Садохин, А. Ю. Кузнецова, Н. В. Шилов РУССКИЙ СЕВЕР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ: РАЗРУШЕНИЕ ПРОЕКТА КУЛЬТУРНОЙ КЛАДОВОЙ РУССКОГО НАРОДА И СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС ЭТНИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

РУССКИЙ СЕВЕР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ: РАЗРУШЕНИЕ ПРОЕКТА КУЛЬТУРНОЙ КЛАДОВОЙ РУССКОГО НАРОДА И СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС ЭТНИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

THE RUSSIAN NORTH IN HISTORICAL DYNAMICS: THE FAILURE OF THE PROJECT OF THE RUSSIAN CULTURAL 'PANTRY'

ШАБАЕВ Юрий Петрович — доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии, ФГБУН Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
E-MAIL: yupshabaev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0867-4662

Yury P. SHABAEV¹ — Dr. Sci. (Hist.), Head of Ethnography Department
E-MAIL: yupshabaev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0867-4662

САДОХИН Александр Петрович — доктор культурологии, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия.
E-MAIL: sadalpetr@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6420-6601

Alexandr. P. SADOKHIN² — Dr. Sci (Culturology), Professor
E-MAIL: sadalpetr@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6420-6601

¹ Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Division, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

*КУЗНЕЦОВА Анна Юрьевна — аспирант, ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар, Россия.
E-MAIL: ann-kuznetsova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8420-2333*

*ШИЛОВ Николай Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия.
E-MAIL: shilov13@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3067-7501*

Аннотация. На основе исторических, социологических, этнографических и демографических данных рассматриваются культурные и этнополитические процессы, происходившие на Европейском/Русском Севере на протяжении длительного исторического периода. Показано, что многовековой процесс колонизации Русского Севера привел к формированию единой историко-культурной провинции, которая в советские годы была разделена на отдельные национально-государственные анклавов, но этнокультурные изменения последних десятилетий фактически реконструировали прежний культурный ландшафт региона, что создает культурную и идейную основу для региональной интеграции.

Ключевые слова: Русский Север, Европейский Север России, деколонизация, этничность, миграции, социальные риски

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы УрО РАН на 2018—2020 гг., проект

*Anna Yu. KUZNETSOVA¹ — Post-Graduate Student
E-MAIL: ann-kuznetsova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8420-2333*

*Nikolay V. SHILOV — Cand. Sci. (Hist.), Assistant Professor
E-MAIL: shilov13@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3067-7501*

¹ Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Division, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia

³ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. Based on historical, sociological, ethnographic and demographic data the paper considers cultural and ethno-political processes in the Russian (European) North over a long historical period. The study shows that the centuries-long colonization of the Russian North led to the formation of a single historical and cultural territory which was divided into separate administrative enclaves in the Soviet time. However ethnic and cultural changes in recent decades have almost reconstructed the former cultural landscape of the region and created a conceptual framework for the regional integration.

Keywords: the Russian North, the European north of Russia, decolonization, ethnicity, migration, social risks

Acknowledgment. The paper is supported by the Complex program of the Ural Branch of the Russian Academy of

18-9-6-10 «Векторы изменений в образе жизни, культурных ориентациях и системе хозяйствования в локальных сообществах Арктики и Субарктики (на примере северных территорий Республики Коми, Архангельской области и Ненецкого автономного округа)».

Sciences for 2018—2020, project no. 18-9-6-10 «Changes in lifestyle, culture and methods of economic management in the local communities of the Arctic and Subarctic regions (a case study of the northern territories: the Komi Republic, Arkhangelsk Oblast and Nenets Autonomous okrug)».

Введение

В рассуждениях о Европейском Севере РФ как со стороны политиков, так и со стороны экспертов преобладает сугубо утилитарный подход. Как правило отмечается, что он обладает огромными ресурсами, но сегодня его роль в развитии страны усиливается еще и потому, что возрастает его значение для обеспечения безопасности государства. Ресурсное и геополитическое значение арктических и субарктических территорий подчеркивается в «Основах государственной политики России в Арктике...» (2008 г.)¹ и в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (2013 г.)² и ряде других документов.

При этом из поля зрения политиков и экспертов явно выпало культурное и социальное значение Русского Севера, который долгое время играл важную роль в процессах нациестроительства и в символическом позиционировании России как северной страны, имеющей глубокие традиции освоения северных пространств. Для понимания этого символического значения важно рассмотреть, как менялся культурный ландшафт региона и какие политические, социальные процессы происходили здесь в последние десятилетия.

Заселение и русская колонизация Европейского Севера, рождение проекта «Русский Север»

Вопрос о первоначальном заселении Европейского Севера России достаточно сложен и остается открытым. Сегодня достоверно можно говорить лишь о заселении этих территорий в эпоху неолита, о чем давно пишут археологи [Фосс, 1952]. Именно тогда возникли поселения в районе Белого озера [Цветкова, 1961] и в ряде других мест [Мартынов, 1988: 22—44].

Между тем отсутствие достаточно убедительных сведений о ранней истории и характере раннего заселения Севера европейской части России открывает широкие возможности для исторического мифотворчества, которое связано с попытками обосновать «исконную принадлежность» той или иной территории определенной этнической группе. Этому же способствует и то, что средневековые

¹ Об Основах государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата посещения: 14.11.2017).

² О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/18360/> (дата посещения: 14.11.2017).

письменные источники тоже не дают оснований для понимания характера заселения Европейского Севера и культурной принадлежности его населения. Они отрывочны, фрагментарны и сильно мифологизированы. К таковым источникам относятся, в частности, скандинавские саги, в которых говорится о путешествиях скандинавов на Север, в земли Бьярмаланда/Биармии, и о богатстве этой страны. Проблема локализации Бьярмаланда, как и определение этнической принадлежности бьярмов, остается дискуссионной [Захарова, 2011: 422], но сведения о них использовались как в ранних романтических представлениях об общем прошлом финно-угорских народов, так и в современном этнополитическом мифотворчестве [Арсентьев и др., 2000]. Биармию пытаются представить в качестве исторической основы современного паннационалистического конструкта, который получил название «Финно-угорский мир».

И в этом нет ничего удивительного или нелогичного, поскольку, как замечает К. Калхун «Большинство измерений или нитей в ткани националистического дискурса имеет свою собственную давнюю историю» [Калхун, 2006: 39].

В фольклорном наследии северных русских, коми, вепсов, карел достаточно много связанных с чудью преданий, повествующих про «чудь белоглазую», чудские клады, самопогребение чуди и т. д. [Криничная, 1991; Дранникова, 2008]. В северорусской фольклорной традиции чудское население чаще всего связывается с финно-уграми, которые воспринимались как первопоселенцы. Финно-угорские фольклорные тексты нередко представляют чудь как предшественников финских народов на Севере, которые под напором новых насельников были вынуждены прибегать к самопогребению или покидать места прежнего расселения — «чудь уходящая». Но ни фольклорные, ни письменные, ни археологические источники не могут достоверно указать, когда уральцы (финно-угры и самодийцы) пришли на Север, как проходила их уральская колонизация, ассимиляция прежнего населения («чуди белоглазой», сихиртя).

Зато вполне точно и ясно можно датировать начало русской колонизации Европейского Севера — третьей волны колонизации. Этот процесс начинается уже в XI в., хотя проникновение новгородцев на Север началось еще раньше. К моменту твердо зафиксированного расселения русских на Севере³ там уже жили финно-угорские племена, что засвидетельствовано в русских летописях. «Земли за волоком», то есть за Онегой, в русских летописях назывались Заволочьем, а его население именовали чудью заволочской, что свидетельствовало о его финском происхождении, но эти источники достаточно поздние [Витов, 1997].

Русская колонизация привела не только к изменению этнического состава населения, но и к смене культурного маркера региона. Вместо Заволочья появляется новый термин — Поморье. Общий географический термин «Поморье» впервые упоминается в новгородской купчей грамоте 1459 г., а собирательное название «поморцы» — в Новгородской четверной летописи 1526 г. [Ануфриев, 2008: 34—36].

Разрушению средневекового мировосприятия и средневековой идентичности, в которой локальность и локальные определители (наравне с религиозными)

³ О чем свидетельствует Устав Святослава Ольговича 1137 г.

имели решающее значение, повсеместно способствовало развитие внутреннего рынка, торговых связей и отношений.

Для Европейского Севера в этом смысле важнейшую роль сыграли два исторических события. Первое из них было связано с тем, что английские купцы открыли для себя Северную Московию, и при Иване IV был заключен русско-английский торговый договор, а Европейский Север перестал быть отдаленной окраиной владений московского государя и начал восприниматься как северный рубеж русского государства и как «окно» в Московию. Второе событие связано с основанием в 1551 г. в устье Северной Двины Архангельска, превратившегося в важнейший торговый порт государства. Этот город был важен не только для внешних торговых сношений, но и для формирования регионального рынка и укрепления внутренних торговых связей. Именно в Архангельск двиняне, мезенцы, пинежане, жители Карельского, Терского и других берегов Белого моря везли рыбу, продукты зверобойного промысла. Здесь они обменивали их на другие товары. Здесь же всех этих торговых людей стали называть поморами и именно тут возникала и «цементировалась» общая поморская идентичность, ибо региональный центр играл важнейшую интегрирующую роль. Эта общая поморская идентичность укреплялась еще и тем, что торговые отношения с иностранцами позволяли четче понять культурные отличия местного населения от иноземцев и оппозиция «свои-чужие» формировала более определенное представление о «своих» [Шабаев и др., 2012].

Именно с основанием Архангельска процесс русской колонизации Европейского Севера можно считать в целом законченным, ибо создание регионального центра означало, что территория не только заселена, но и получила административное управление. Между тем, на восточных окраинах Европейского Севера заселение продолжалось вплоть до XVII в., а вопрос об освоении и заселении Кольского полуострова остро встал в середине XIX столетия. Стратегические и политические интересы заставили российское правительство принять специальную программу освоения Кольского Севера и меры по стимулированию предпринимательской деятельности российских рыбопромышленников. Архангельский губернатор князь С. П. Гагарин разработал проект колонизации Мурманского берега. Предложения Гагарина были рассмотрены и одобрены Комитетом министров, а 22 ноября 1868 г. Александр II утвердил «Положение о даровании льгот поселенцам Мурманского берега». Согласно этому закону, поселенцы Мурманского берега имели право на беспошлинные промыслы и торговлю, им выдавали ссуды на хозяйственные нужды, разрешалось пользоваться казенным лесом для постройки дома и судна. Колонисты освобождались на восемь лет от государственных податей, от призыва на военную службу, могли получать хлеб за деньги и в ссуду из казенных магазинов, иметь самоуправление в рамках отдельной волости. Саамы, в случае их перехода к оседлой жизни на Мурманском берегу и зачисления в колонисты, получали все перечисленные льготы [Терещенко, 2017: 39]. Расчет делался не только на переселенцев из внутренних российских губерний, но также на финнов и норвежцев [Бусырева, 2016].

Возвращаясь к анализу того, какие обстоятельства повлияли на укрепление экономической роли Архангельского Севера, следует заметить, что росту влияния

Европейского Севера и Архангельска способствовала неудачная Ливонская война, в результате которой Московское царство лишилось выхода к Балтике и вся внешняя торговля стала проходить через Архангельск. Помимо миссии «окна в Европу» Архангельск выступал и базой для экспансии на восток, то есть для освоения Севера Сибири. Европейский Север и расположенные здесь города были родиной многих землепроходцев, и именно с Европейского Севера началось освоение Сибири — задолго до похода Ермака против Сибирского ханства, начало которого датируется 1581 г. Заметим, что большую часть отряда Ермака и многих последующих отрядов, направлявшихся для покорения сибирских земель, составляли зыряне из Яренского уезда, а также выходцы из других северных земель, то есть на начальном этапе сибирской колонизации именно на Европейском Севере рекрутировались основные силы [Жеребцов, Сметанин, 2003: 76; Поморская энциклопедия, 2001: 162—163]

В такой ситуации Европейский Север просто не мог восприниматься как отдаленная и слабая периферия, а все более приобретал значение ее важнейшей провинции.

Подобное восприятие и новая роль региона способствовали упрочению и углублению связей как с центральными районами страны, так и внутри самого региона, в результате чего из пинежан, мезенцев и т. д. к XVIII столетию сформировалось новое относительно единое культурное сообщество, а термин *поморы* превратился в этноним [Шабаев и др., 2012].

В имперский период регион пришел в упадок и стал восприниматься как далекая и неразвитая периферия. Отношение к нему изменилось лишь тогда, когда его стали изображать как «идеальный русский регион» и называли Русским Севером.

Сегодня понятие Русский Север воспринимается как топоним, как устоявшееся и естественное наименование единой культурной провинции, которое, по мнению некоторых исследователей, возникло давно и имеет глубокие исторические корни. Однако Русский Север — это культурный проект, плод усилий ученых и политиков, и его реализация завершилась сто лет назад. Со второй половины XIX в. благодаря исследованиям многих историков, фольклористов и этнографов произошло «открытие» региона для российской общественности. Именно тогда восприятие Европейского Севера кардинально изменилось: он был представлен общественности не как культурная периферия страны, а как идеальный русский регион и своеобразная «культурная кладовая» русского народа, где хранится его многовековое культурное наследие. Более того, Европейский Север стал восприниматься как историческое ядро российского государства [Шабаев и др., 2012].

В числе первых деятелей, пропагандировавших архетипический образ Европейского Севера, был писатель С. Максимов, издавший в 1856 г. свой «Год на Севере». Затем о Севере стали писать Н. Надеждин, А. Круглов, А. Чапыгин, Б. Шергин, С. Писахов, Б. Поляков, М. Пришвин, М. Горький. Литературный и фольклорный образ дополняли живописцы. Среди известных картин можно назвать произведение И. Шишкина «На севере диком», картину И. Левитана «На Севере». Тема Севера присутствовала в полотнах А. Архипова, К. Коровина, М. Нестерова, В. Поленова, И. Грабаря, В. Верещагина, В. Васнецова, А. Куинджи, В. Серова. С 1860-х до 1890-х годов многие художники уезжали работать на Север,

а наивысшего расцвета северная тема в русском изобразительном искусстве достигла в 1890—1900-х годах [Скоробогатова, 2008].

Активный научный поиск второй половины XIX в. и его результаты позволили привлечь широкое общественное внимание к Северу, а произведения литераторов и художников помогли выстроить культурный проект «Русский Север». Кульминацией этих усилий стало создание в 1908 г. Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС) и признание издававшегося с 1909 г. журнала общества (Известия АОИРС) лучшим периодическим изданием по краеведению в провинциальной России.

Деятельность Общества еще более способствовала маркированию Европейского Севера как самого «русского региона», сыгравшего важнейшую роль в формировании русской культурной традиции и русской идентичности. По инициативе Общества в 1910 г. в Архангельске открылась первая выставка «Русский Север», где помимо картин были представлены экспонаты, характеризующие «русскую историческую и этнографическую старину», стала издаваться серия открыток «Русский Север» и т. д. Культивирование образа региона как основного хранителя русскости продолжалось вплоть до победы большевиков и показательным, что вторая и последняя выставка «Русский Север» состоялась летом 1917 г.

Концепция «культурной кладовой» русских не могла считаться завершенной до тех пор, пока этой кладовой не дали название, публично маркирующее ее как некую особо ценную коллективную собственность великороссов. И крайне важный вопрос состоит в том, когда это произошло — когда появилось название «Русский Север»?

Термин появился не в трудах ученых или публицистов, а впервые был использован должностным лицом, причем лицом политически значимым. В конце XIX в. губернатор Архангельской губернии А. П. Энгельгардт совершает двухлетнее путешествие по вверенной ему губернии, по итогам которого издает в Петербурге путевые записи [Энгельгардт, 1897], в которых называет Европейский Север Русским Севером.

Тот факт, что названный выше термин был введен в публичную сферу лицом официальным и находящимся на высокой государственной должности, делает его содержание политически мотивированным, что не является случайностью.

Дело в том, что со второй половины XIX в. усиливается проникновение на Север норвежских рыбопромышленников. Экономическая экспансия норвежцев повлекла за собой не только усиление конкуренции с поморами, но также и то, что Кольский Север, архипелаг Новая Земля пытались представить как «ничейную землю» [Федоров, 2009; Нильсен, 1996], на которую юрисдикция российского правительства не распространяется. Одновременно возникла угроза культурной экспансии, которой необходимо было противостоять, символически маркировав Европейский Север как «культурную собственность» крупнейшего народа страны, составлявшего основу имперской нации. Потребность в подобном маркировании была вызвана еще и тем, что с конца XIX в. начинается конструирование образа Европейского Севера как «общешинской» культурной провинции.

После присоединения Финляндии к России в 1809 г. власти страны не только предоставили ей широкую автономию, но и всячески стали поощрять фенноман-

ское движение, которое должно было ослабить шведское влияние в Великом княжестве Финляндском, но при этом вело к формированию финского национализма.

Начиная с 1860-х годов в истории Финляндии наступает новый этап, который связан с формированием национальной идеологии и кристаллизацией финской национальной идеи. В 1861 г. в финской прессе прошла острая дискуссия, итогом которой стало укоренившееся в массовых представлениях мнение, что Финляндия является отдельным от России самостоятельным государством и лишь состоит с ней в союзе. При этом сама национальная идеология черпала ресурсы именно на востоке, и ее основанием служил «карелианизм». Основатель карелианистского движения А. В. Эрваста после своей поездки по Олонецкой губернии написал, что за восточной границей Великого княжества Финляндского лежит не чужая земля, поскольку именно Карелию следует считать материнской землей (*emämaa*) или метрополией, а собственно Финляндия есть ее колония, в Карелии нужно искать духовные истоки финнов. Карелия превратилась в объект паломничества ученых, художников, композиторов, архитекторов, поэтов. «Представление о Карелии как о неотъемлемой части грядущего «Идеального Отечества» органично вошло в основополагающий финляндский националистический миф. «Золотым веком» финляндской истории Карелия была представлена уже в самом названии первоначального варианта эпоса «Калевала» — «Калевала, или Старые Руны Карелии о древних временах Финского народа» [Сурво, 2009: 176].

Развитием идей карелианизма стали представления об общефинском родстве, которые явились стимулом для создания в 1883 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) Финно-угорского общества. Цели и задачи общества были сформулированы уже в первом параграфе Устава, где говорилось о необходимости содействовать получению сведений о финно-угорских народах, изучению их языков, истории и этнографии. Подвижничество финских ученых и конструирование с их помощью идеи финно-угорского родства привели к появлению культурного мифа о Великой Финляндии. Это понятие было введено в оборот финским публицистом К.-Э. Аспелундом [Waris, 1939: 214]. Первоначально идея Великой Финляндии подразумевала объединение всех финно-угорских народов России под главенством Финляндии, а ее границы мыслились или как простое объединение территории Финляндии и Карелии, или чаще как единое культурное пространство, простирающееся до Урала.

Практическим выражением идей карелианизма и Великой Финляндии стали активные попытки обратить карел в лютеранство, которые особенно усилились в начале XX столетия. Сначала лютеранские проповедники вели активную пропаганду в Западной Карелии, но затем все активнее стали распространять миссионерскую деятельность на Беломорскую и Олонецкую Карелию. Русская администрация и православная церковь старались укреплять позиции православия и противостоять «панфинской» пропаганде всеми возможными способами [Мусаев, 2007: 47—71].

Естественно, что для успешного противостояния внешней экономической и культурной экспансии необходимо было маркировать территории Европейского Севера как сугубо русские. В этих условиях власти считали необходимым усилить русификацию меньшинств и поддерживать культурное лидерство русских. При

этом концепция «культурной кладовой» русского народа, фактически созданная усилиями исследователей, была дополнена этнополитическим мифом о Русском Севере как об исконно русской земле. Время возникновения мифа совершенно не случайно, ибо именно в конце XIX и самом начале XX столетий окончательно оформилась русская националистическая доктрина, идеи которой активно пропагандировала газета «Русское знамя», а ее содержание сводилось к достаточно простой формуле: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском» [Размолодин, 2011: 153].

Все это в совокупности привело к необходимости символически интегрировать Карелию, Мурман, Заонежье, Подвинье, Припечорье в единое культурное пространство, несмотря на то что Европейский Север был также заселен карелами, вепсами, саамами, ненцами, коми, культура которых, правда, имела много общего с традиционной культурой северных русских.

Однако для формирования представлений о Европейском Севере как о единой историко-культурной провинции, сыгравшей выдающуюся роль в становлении общерусской культурной традиции, требовалась не только переквалификация Поморья в Русский Север, но и смена идентитета местного населения: поморов надо было сделать великороссами или «русскими поморами», акцентировав их русскость. Такая переквалификация состоялась, что подтверждается как успехом проекта «Русский Север», так и результатами первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.,⁴ а еще тем, что с начала XX в. этноним *поморы* и топоним *Поморье* выходят из употребления [Бернштам, 2009]. Очевидно, что данная переквалификация была культурно и политически мотивирована, и поэтому проект «Русский Север» можно считать не только культурным, но и политическим.

Национально-государственное строительство и разрушение северного русского мифа

После революции 1917 г. и прихода к власти большевиков на Европейском Севере произошли радикальные социальные, политические и культурные изменения. Для их оценки важно обратить внимание на идеологию и политическую практику новой власти. После победы большевиков была принята на вооружение доктрина этнического национализма, в основе которой лежали два ключевых положения: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным национально-государственным образованием, 2) в рамках собственного государственного образования данная группа получала статус «коренной», а все остальное население относилось к «некоренным» жителям. Коренная этническая группа могла претендовать на политическое доминирование и иные преференции [Тишков, 1994]. Прежнее административное деление страны, при котором этнические границы не принимались во внимание, была разрушена, территорию государства разделили на этнические анклав: союзные и автономные республики, области, национальные округа. Была создана так называемая этническая федерация. Этнические группы обрели видимые границы, политические институты, новые

⁴ Архангельская губерния. Тетрадь 2 // Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1899. Т. 1. С. 47—236.

социальные статусы и стали наиболее осязаемой частью культурного ландшафта страны [Hirsch, 2005; Кадио, 2010].

Идея названных преобразований состояла в том, чтобы обеспечить новой власти политическую поддержку со стороны многочисленных этнических меньшинств. Поэтому идеологи большевизма говорили о необходимости первостепенного внимания к интересам этих культурных групп и о необходимости последовательной борьбы с «великодержавным русским шовинизмом» [Ленин, 1968].

Опорой режима и наиболее лояльной социальной группой был определен пролетариат (промышленные рабочие), а остальные социальные группы объявлялись недостаточно зрелыми для социалистического преобразования общества. Но этнические меньшинства выступали естественными союзниками пролетариата, поскольку многие из них не имели классовой структуры и рассматривались идеологами большевизма как эксплуатируемая часть общества.

Превратив этничность в важный политический маркер, большевики использовали мобилизованную этничность меньшинств для нейтрализации политического ресурса великороссов. Русские, согласно официальной точке зрения, были объявлены главными эксплуататорами на Севере [Слезкин, 2008], а борьба с эксплуататорами и ликвидация всяческих форм эксплуатации декларировалась как основная цель новой власти. Вполне закономерно, что сам термин «великоросс», рассматриваемый как намек на господствующее положение доминирующей этнической группы, был исключен из культурной лексики, а статус русских становился неопределенным. Если имперские власти представляли русских как государствообразующий народ, то для большевиков они превратились лишь в статистическую величину.

Ориентируясь на вышеназванные принципы, большевики перекроили территорию Русского Севера, упразднив прежние губернии и разделив его на анклавные территории, которые передали в «культурную собственность» новых владельцев — этнических меньшинств, превращавшихся теперь в «главные» (или «коренные») народы в пределах «своих» автономий. Перекройка административных границ и создание этнических автономий разрушили представление о Европейском Севере как о единой культурной провинции.

Границы автономий, однако, были достаточно искусственными и редко совпадали с границами расселения этнических групп. Стоит также заметить, что этнические автономии не создавались в результате актов самоопределения, то есть референдумов, а были плодом «творчества» новой политической элиты. При этом только у карел еще до 1917 г. сформировалось национальное движение, выступавшее с идеей этнической автономии — в 1906 г. на территории Финляндии состоялся учредительный съезд Союза беломорских карел, большинство членов которого было финнами. К остальным группам идея этнической автономии пришла вместе с большевизмом. В рамках советской политики национального/этнического размежевания были созданы: Карельская трудовая коммуна в 1920 г. (в 1923 г. преобразована в автономную республику), Коми автономная область в 1921 г. (с 1936 г. — автономная республика), Ненецкий национальный округ в 1929 г. В этнических автономиях начались процессы так называемой коренизации, которые должны были укрепить позиции местных элит,

но порой принимали форму вытеснения представителей «некоренных народов» со статусных позиций.

В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные «русские» фамилии (Петров, Родионов и т. п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. «Финноязычные» карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов — 5 финноязычные. До 1935 г. в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался» [Сурво, 2009: 126].

Большевики не принимали во внимание интересы крупнейшего этнического сообщества на Севере и поэтому не только старались противопоставить ему этнические меньшинства, но и ограничивали деятельность культурных институтов, ориентированных на культивирование идеи «русскости». Уже в 1917 г. прекратило свое существование Архангельское общество изучения Русского Севера (его «Труды» перестали издаваться в 1918 г.), а сам термин «Русский Север» в 1920—1930-х годах вышел из употребления. Почти в одно время с ликвидацией АОИРС были закрыты Вологодское общество изучения северного края и Общество изучения Олонецкой губернии, а сама народная культура объявлялась «пережитком прошлого».

В связи с этим показательно, как строились отношения с Финляндией и как воспринимались новой властью панфинские идеи.

После того как большевики 4 января 1918 г. признали независимость Финляндии, отношения между ней и Советской Россией не стали дружественными, а практически сразу приобрели форму геополитического соперничества на Европейском Севере, и в особенности в Карелии.

В 1918—1920 гг. шла борьба за так называемую Восточную Карелию (ее иногда называют первой советско-финской войной). Эта борьба рассматривалась в Финляндии как внутрифинская проблема, чему способствовал тот факт, что официально закрепленной границы между Финляндией и Советской Россией не существовало. Однако итогом этой борьбы стало заключение в начале 1920 г. Тартуского мира, согласно которому не только устанавливалась граница между большевистской Россией и Финляндией, но и гарантировались права карел и ингерманландцев в России. Тем не менее военные действия в Карелии продолжались и в 1921—1922 гг. (вторая советско-финская война), а на некоторых территориях — вплоть до 1925 г. И хотя финская сторона заявляла, что в них принимают участие лишь некие отдельные добровольцы, сам этот факт способствовал углублению недоверия между Финляндией и Россией. Недоверие усугубилось не просто культивированием ксенофобии, а широкой кампанией ненависти к русским (*ryssaviha*), занимавшей значительное место в политическом и интеллектуальном дискурсе страны вплоть до 1944 г. [Karemaa, 1998]. Не способствовало взаимопониманию между странами и превращение в политическую

доктрину мифа о Великой Финляндии, который активно поддерживался финской политической элитой в годы между двумя мировыми войнами и во время второй мировой войны, когда «идеологема «Великой Финляндии» стала, — по замечанию А. Сурво, — на некоторое время «иконической» реальностью» [Сурво, 2007].

Казалось бы, в подобных условиях большевики вполне могли воспользоваться идеей Русского Севера как культурным конкурентом концепции Великой Финляндии. Но этого не произошло, поскольку ими делалась ставка на этнический национализм меньшинств. Поэтому был поддержан финский национализм в той его версии, которая проповедовалась «красными финнами» и его лидером — бывшим доцентом Гельсингфоргского университета Эдвардом Гюллингом, возглавившим Карельскую трудовую коммуну и сознательно проводившим линию на «финнизацию» Карелии, которая в его понимании должна была занимать территорию от реки Свирь до Северного Ледовитого океана. Финский историк Маркку Кангаспуру в связи с этим ссылается на заявление, которое Гюллинг сделал в 1921 г. на четвертом съезде КПФ, состоявшемся в Петрограде: «Тезис о национализме верен. Но сейчас вопрос заключается в том, что революция выигрывает от пробуждения национализма. Говорят, что черта следует изгнать с помощью Вельзевула. Другой здесь не справится. В любом случае в коммунизме проявляется известная доля национализма» (цит. по: [Кангаспуру, 1997: 116]).

Фактически же был поддержан не столько этнический национализм «красных финнов», сколько конкретная идея «красной» Великой Финляндии, поскольку бежавшие в Карелию финны собирались построить именно ее и рассматривали Карельскую трудовую коммуну как плацдарм для коммунистической экспансии в Скандинавию и некий образец для других прибалтийских, пермских и волжских финнов, которых необходимо было «финнизировать». Не случайно, что само название трудовой коммуны (преобразованной уже в 1923 г. в автономную республику) имело на финском принципиально иное звучание (Karjalan Työväenkommuuni — Трудовая коммуна Карелии), что формировало неадекватное представление о ее «карельскости». Показательно также и то, что попытки создания карельской и вепсской письменности «красные» финны признавали шовинистическими, политически неверными и служившими «одурачиванию темных масс» [Сурво, 2009: 179].

К востоку от Карелии предпринималась попытка реализовать другой крупный этнонациональный проект — создать Зырянскую Автономную Социалистическую Советскую Республику. Как полагают некоторые исследователи, в основе проекта лежала «историческая концепция «Перми Великой — Биармии» [Кузиванова и др., 1996: 31]. Однако с такой «концепцией» (никогда не существовавшей) местные большевики вряд ли были знакомы, поскольку у творцов Коми автономии еще не было под рукой ее писаной истории. Но, тем не менее, главный идеолог создания Коми (Зырянской) республики Д. А. Батиев и его сторонники по существу выдвигали локальный панфинский проект, навеянный, видимо, некими смутными мифологическими представлениями о прошлом величии. Согласно пожеланиям первых коми большевиков, в состав будущей республики необходимо было включить обширные территории. «В докладе на заседании Наркомнаца 28 июня 1921 г. они настаивали на включение в Коми область всего Прикамья, всей Печоры, островов Новая Земля, Вайгач, Колгуев и даже Шпицберген, побережья Северного

Ледовитого океана с Чешской и Карской губами, Глазовского уезда Вятской губернии» [Жеребцов, Шабаев, 1997: 9].

Земля Коми, которая изначально имела сложный этнический состав населения (коми, русские, ненцы, манси, ханты), теперь должна была объединить целый ряд уральских (финно-угорских и самодийских) народов на своей территории и превратиться в некую «этническую федерацию».

При создании в 1921 г. Автономной Области Коми великопермский проект не удалось реализовать [Шабаев, 1998], и более того — не удалось включить в состав АО даже земли коми-пермяков, которых тогда не рассматривали как отдельный народ [Шабаев, Истомин, 2017]. Тем не менее борьба за границы будущей Республики Коми продолжалась вплоть до 1930-х годов, но не принесла успехов.

Панфинские идеи, культивировавшиеся в Коми и Карелии, стали поводом для репрессий против местных политиков и интеллигенции в годы «Большого террора». Многие значимые фигуры из состава политической элиты и национальной интеллигенции пали жертвой дела СОФИН («Союз освобождения финских народностей») уже на первом этапе сталинских репрессий — в 1932 г. Обвиняемым, проходившим по этому делу, вменялось в вину то, что они совместно с агентами из Эстонии и Финляндии вели работу по созданию на территории СССР подпольной контрреволюционной сети. Сеть эта якобы ставила своей целью вооруженное восстание, с тем чтобы отторгнуть республики с финно-угорским населением от СССР и создать «Единую Финно-Угорскую Федерацию» [Куликов, 1997]. Однако перекалфикация политических и культурных элит национальных окраин из союзников во «врагов народа», хотя и привела к свертыванию практики коренизации, не изменила общей культурной ситуации и не означала, что «красная» финская идея исключается из числа перспективных задач советской политической элиты. Поэтому политические игры, связанные с ней, продолжались. Очередным свидетельством тому стало создание в 1940 г. Карело-Финской ССР и появление в этнической номенклатуре СССР нового карело-финского народа. Этот народ вместе с новой 16-й союзной республикой просуществовал только до 1956 г., когда политическое руководство СССР решило, что в рамках изменившихся отношений между СССР и Финляндией какие-либо намеки на Великую Финляндию («красную», «белую») не могут быть полезны, упразднило союзную республику Карелию и понизило ее статус до автономной республики.

Но сама панфинская идея полностью не была предана забвению ни в Финляндии, ни в России. Свидетельством тому стало появление в начале 1990-х годов концепции «Финно-угорского мира» как общего культурного пространства финно-угров и самодийцев, как некоего реально существующего сообщества, о чем однозначно утверждалось в резолюциях всемирных конгрессов финно-угорских народов [Шабаев, Садохин, 2014].

Ренессанс этнического национализма на Европейском Севере и его политический крах

Многие представители постсоветских этнических элит восточнофинских народов, для которых идея культурной периферии дошла в варианте, характерном для досоветской эпохи, готовы были признать лидирующую роль своих западных парт-

неров в силу прагматичных соображений, романтических представлений о «финно-угорском братстве», либо же в надежде на то, что контакты с Финляндией, Эстонией и Венгрией станут стимулом для догоняющей модернизации, в которую будут вовлечены «финно-угорские регионы» [Шабаев, Чарина, 2010]. Культивированию этой идеи помогли процессы так называемого этнического возрождения и суверенизации, которые развернулись во всей стране и на Европейском Севере на рубеже 1980—1990-х годов.

Именно в это время были сформированы этнонациональные движения у карел и коми, возникло общество «Ясавэй» в НАО, открылись первые этнические организации у кольских саамов и вепсов, начали формироваться их идеология и общекарельское движение.

В 1989 г. создано Общество карельской культуры, преобразованное в 1990 г. в Союз карельского народа. Вопрос о путях и методах национально-культурного развития карел, вепсов и финнов Карелии стал наиболее актуален после выборов в Верховный Совет Карелии в марте 1990 г., когда отмена национальных квот (существовавших неофициально) привела к резкому снижению представительства карел, вепсов и финнов в республиканском законодательном органе. Помимо актуализации проблем этнонационального развития эта ситуация привела и к заметной политизации дискуссий о путях дальнейшего развития карел. Национал-радикалы полагали, что решение этнонациональных проблем возможно только в рамках независимого карельского государства, в руководстве которого должны быть карелы, вепсы, финны. В марте 1991 г. в Олонце они образовали общественно-политическую организацию «Карельское движение». Основным положением его программы стала борьба за свободное самоопределение карельского народа на его исконных землях, а часть членов движения вообще требовала воссоединения российских карел с финскими собратьями. В конце 1990 г. Союз карельского народа выступил инициатором проведения республиканского съезда карел с приглашением делегатов из Тверской и Ленинградской областей, Финляндии. Съезд, состоявшийся в июне 1991 г., отверг радикальные способы «решения» проблем карельского народа и принял Декларацию, которая содержала ряд предложений, адресованных властям республики. Среди них: изменение названия республики, обеспечение условий для образования на этнической территории карел национально-территориальных образований, которые имели бы право собственности на землю и природные ресурсы; создание в парламенте второй «национальной палаты», состоящей из карел, вепсов и финнов и обладающей правом «вето», и ряд других.

В Коми в 1989 г. создано общество «Коми войтыр», которое предложило созвать съезд коми народа. В 1991 г. состоялся первый такой съезд, исполнительным органом которого стал Комитет возрождения коми народа. В резолюции съезда о государственном суверенитете было заявлено, что именно коми являются источником «национально-государственного суверенитета» республики, хотя многие районы республики были заселены другими народами, которые появились там раньше, чем коми. Более того предлагалось ввести республиканское гражданство с цензом оседлости, что означало ограничение гражданских прав россиян, приезжающих из других регионов страны. Так же, как и в Карелии, выдвигалась

идея создания двухпалатного парламента, одна из которых (палата коми) будет формироваться по принципу крови [Штрихи..., 1994: 187], то есть фактически этнические активисты заимствовали политическую практику ЮАР времен апартеида [Тишков, Шабаев, 2013]. С 1991 г. съезды коми народа проводятся регулярно и финансируются государством, а Закон о статусе съезда коми народа от 1992 г. объявил эти съезды «высшим представительным собранием коми этноса» и наделил их правом законодательной инициативы (ныне этот закон отменен). Решения съездов рассматриваются правительством республики.

В Карелии, Коми, Ненецком округе все большее символическое значение приобретал термин «коренной народ», который рассматривался как культурная основа местных сообществ. Такая ситуация отражала особенности восприятия этничности в российском общественном сознании и социальных науках. По этому поводу В. Малахов сделал весьма точное замечание: «Российское общественное сознание определено националистическими представлениями об этничности. Это представление, во-первых, об этнической принадлежности как естественном свойстве индивида, во-вторых, об этносах как автономных субъектах социального и политического действия, в-третьих, о том, что определенный народ на «своей» территории должен обладать большими правами, чем остальные» [Малахов, 2005: 239]. Подобное восприятие этничности проявилось и в законотворческой практике Республики Коми, где в 1994 г. была принята новая Конституция, во второй статье которой вполне корректно заявлялось, что «носителем суверенитета и единственным источником государственной власти Республики Коми является ее многонациональный народ». А в третьей была закреплена идеологема, рожденная на первом съезде коми народа, которая противоречила предыдущей статье и гласила: «коми народ — источник государственности республики»⁵. Между тем очевидно, что в Основном законе должны конституцироваться не политические лозунги, а исходные основополагающие юридические положения, отличающиеся повышенной нормативностью, к которым в данном случае может относиться только такая принципиальная правовая норма, как право народа (как гражданского, а не этнического сообщества) на самоопределение. Следовательно, источником государственности Коми могло быть только это право.

После требования федеральных властей привести законодательство республик в соответствие с Конституцией РФ и федеральными законами, во многие законодательные акты республики, включая Конституцию, были внесены изменения. В статье 3, где первоначально говорилось о том, что «коми народ — источник государственности», появилась новая формулировка: «Образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории коми народа»⁶, хотя в международном праве этничность не признается основой для формирования государственности, а «Рекомендация о понятии «нация»», принятая ПАСЕ в 2006 г. подчеркивает, что «международной правосубъектностью обладают лишь нации, сформировавшие государства, построенные на основе гражданства...» [Федоров, 2007: 144].

⁵ Конституция Республики Коми // «Красное знамя». 10 марта 1994 г. С. 146.

⁶ Конституция Республики Коми : Официальное издание Государственного Совета Республики Коми. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография». 2014. С. 6.

Самое радикальное изменение произошло во второй статье, откуда исчезло всякое упоминание о поликультурной природе местного сообщества⁷, что вступало в противоречие с нормой Конституции Российской Федерации (ст. 3), где сказано: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»⁸.

В Карелии, в отличие от Коми и НАО, притязания этнонациональных лидеров были более скромными в силу того, что над политическим процессом здесь довлел трагический исторический опыт, и потому в идейных конструкциях этнических организаций территория Карелии рассматривалась как «совместная собственность» нескольких этнических групп: карел, финнов, вепсов, русских, а выдвинутая радикалами в 1990 г. идея о превращении Карелии в автономию внутри Финляндии, как сказано выше, была сразу отвергнута. Тем не менее продолжительное культивирование панфинской идеи не могло не отразиться на декларативной части Основного закона, поэтому в первой статье Конституции пункт пятый гласил, что исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов. Факт проживания титульной этнической группы на территории республики как условие формирования ее государственности и «национальных особенностей» (а эти особенности зависят от других культурных групп тоже) упоминается в Основном законе Коми и Карелии, а также Удмуртии и в преамбуле к Конституции Чувашии, но в конституционных актах всех остальных республик повторяется формула федеральной Конституции и говорится о многонациональном народе как носителе суверенитета и источнике власти.

Как реакция на парад суверенитетов начала 1990-х годов и притязания этнонациональных движений стали появляться идеи создания «русских» республик. Логично было предположить, что уже готовый культурный проект «Русский Север» приобретет политическое значение и будет использован региональными элитами для формирования местной идеологии, создания региональных политических движений и административного реформатирования территории Европейского Севера. Однако этого не произошло.

В этнодемографическом отношении регионы, которые чаще всего относят к территории Русского Севера (Мурманская, Архангельская, Вологодская область, Карелия, Коми, Ненецкий округ) действительно являются «русскими» по этническому составу населения.

При этом важно заметить, что между переписями 2002 и 2010 гг. произошло существенное сокращение численности карел, коми, вепсов, саамов: численность карел за межпереписной период уменьшилась на 34,8 %, коми — на 22,2 %, вепсов — на 28,0 %.

Обозначенные темпы снижения были в несколько раз выше общего сокращения численности населения в регионах Европейского Севера, что в значительной мере связано с ассимиляционными потерями и переменами в характере идентификации представителей меньшинств. Активисты этнических движений и некоторые этнически ангажированные исследователи поспешили представить

⁷ Конституция Республики Коми : Официальное издание Государственного Совета Республики Коми. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография». 2014. С. 6.

⁸ Конституция Российской Федерации (с гимном России). М. : Проспект. 2016. С. 3.

данную ситуацию как «культурный апокалипсис» [Шабаев, 2013]. Однако столь значительное снижение численности финно-угров на Европейском Севере было следствием того, что произошли (и происходят) существенные изменения в характере культурной идентификации. Многие люди, на наш взгляд, все более свободно начинают осуществлять выбор этнической идентичности, а диктат этнических групп и непосредственного культурного окружения перестает играть решающую роль в процессе самоидентификации. Поэтому молодежь, особенно городская, чьи родители являются финно-уграми, все чаще идентифицирует себя не как представителей той этнической группы, к которой принадлежат их родители, а называют себя русскими. Поэтому отток русского населения с Севера никак не сказывается на доле русского населения в составе республик. Стоит также заметить, что выбор русской идентичности есть сознательный личный выбор, а не следствие насильственной ассимиляции. Поэтому сегодня «русскими» по этническому составу регионами можно назвать не только Архангельскую область, где русские в 2010 г. составили 95,6%, и Вологодскую область, где их доля равнялась 97,3%, но таковыми в статистическом плане являются также Карелия, где доля русских с 68,2% в 1970 г. повысилась до 82,2% в 2010 г., и Коми, где за аналогичный период она возросла с 53,1% до 65,1%, а также Ненецкий автономный округ, где данный показатель вырос только с 64,5% до 66,1%.

Доля титульных этнических групп в пределах «своих» национально-государственных образований неуклонно снижается: карелы в Карельской республике в 1926 г. составляли 38,4%, а в 2010 г. — 7,1%, коми соответственно — 92,2% и 23,7%. При этом доля русских и в национально-государственных образованиях на Европейском Севере, и в областях возрастает.

Таким же образом происходит и выбор языка. Согласно данным переписи 2010 г., русский язык назвали родным 37,1% коми, проживающих в Республике Коми, 72,7% карел Карелии, а европейские ненцы перешли на русский язык еще в конце XIX в. Полностью русскоязычны ныне кольские саамы и вепсы. При этом ненецкий и саамский языки активно пропагандируются, ведется их преподавание в ряде учебных заведений, организованы теле- и радиопередачи на этих языках, издается литература. В Коми же коми язык, согласно закону от 1992 г., наряду с русским признан государственным, и все вывески, названия улиц дублируются на коми, равно как и официальные документы. Закон также предусматривал введение изучения коми языка во всех школах республики, активное внедрение этой нормы началось в 2000-е годы. Это вызвало многочисленные протесты (вполне обоснованные), особенно среди русскоязычного населения, обращения в суды и заявления о том, что в Коми формируется этнократический режим⁹.

Ни программы развития языков финно-угров и самодийцев, ни их активная пропаганда и преподавание в школах никак не меняют общей языковой ситуации, и процесс языкового сдвига, то есть перехода от национально-русского двуязычия к русскому монопольному языку, активно развивается и близок к завершению в городах. По данным нашего опроса, проведенного в 2004 г., всего 3% городских коми семей говорят дома с детьми по коми, не знают коми языка около половины детей

⁹ Приймак Артур. Как Республику Коми довели до этнократии. 2016. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/06/02/artur-priymak-kak-respubliku-komi-doveli-do-etnokratii>.

в городских коми семьях [Шабает, Садохин, 2014: 84] и еще меньший уровень языковых компетенций у городских карел, ненцев, саамов.

Идентификационный и языковой сдвиг свидетельствуют о том, что в идейном плане этнонациональные движения обанкротились, ибо их главной задачей была заявлена пропаганда этнических культур, сохранение языка и национальных традиций.

Ресурсы для развития своих народов и сохранения культурной отличительности пытаются искать в путях формирования «Финно-угорского мира» как общего культурного пространства уральских народов, то есть в идее, рожденной в конце XIX столетия. Культивирование этой идеи стало одним из важнейших направлений деятельности этнических движений финно-угров.

Современная идея «Финно-угорского мира» родилась/возродилась на первом Всемирном конгрессе финно-угорских народов, прошедшем в Сыктывкаре в 1992 г., а затем пропагандировалась на последующих конгрессах и на съездах Ассоциации финно-угорских народов, созданной в том же году. Активисты этнонациональных движений финно-угров заявляют, что этот мир уже сформировался, но, как и другие паннационалистические конструкции, названная идея является политическим и культурным мифом, финны или венгры в культурном отношении совсем не близки к коми, удмуртам, марийцам, мордве или хантам и манси.

Сами же этнические организации доказали за четверть века существования свою полную недееспособность: этнические активисты не копают колодцев в национальных селах, не создают группы по изучению языков, не ведут сбор средств для оказания помощи своим малоимущим соплеменникам, не наполняют информацией формально существующие сайты организаций и т. д. Единственной формой их реальной деятельности остается участие в конференциях, съездах народов или всемирных конгрессах.

Не случайно многие прежние радикальные идеи сегодня забыты, но участники этнических движений остаются приверженцами этнически разделенного общества и построения местных сообществ по принципу этнической иерархии и противниками политики согражданства и укрепления общероссийской идентичности.

Потребность в интеграции местных сообществ и всего российского общества крайне актуальна, поэтому сегодня вновь появляются идеи придать политическое и интегрирующее значение термину «Русский Север» [Лукин, 2012: 14]. Причем в данном случае можно говорить не столько о стремлении создать в перспективе некие «русские» административные единицы, сколько о возможном объединении национально-государственных образований и областей в единый регион под предлогом его «исконной русскости». Поэтому сегодняшнюю борьбу за Русский Север можно рассматривать и как своеобразную форму противодействия национализму этнических меньшинств на европейском Севере России.

Заключение

Сегодня Европейский Север РФ находится в сложном социально-экономическом положении. С 1990 г. продолжается массовый исход населения из регионов, расположенных на его территории, темпы которого остаются высокими практически повсеместно (население стабилизировалось только в НАО).

С 1989 г. Мурманская область и Республика Коми потеряли более трети населения, Архангельская область — четверть, Карелия и НАО — пятую часть. Фактически идет процесс деколонизации Европейского Севера, началось опустынивание ранее освоенных территорий за счет серьезных изменений в поселенческой сети. Этот процесс не может быть остановлен, ибо данные опросов показывают, что значительная часть жителей в разных регионах (и особенно молодежь) настроены на выезд за пределы своих регионов. Демографическая структура таких народов, как карелы, вепсы и коми, позволяет отнести их к «седеющим» народам [Шабает, 2013]. Доходы населения на Севере сегодня не превышают среднероссийские показатели, а цены на товары и услуги здесь существенно выше, поэтому выше и уровень бедности, а население оказывается менее обеспеченным, чем в среднем по России. Менее благоприятны здесь и условия для развития бизнеса, условия хозяйствования [Шабает, Подоплекин, 2017]. Это требует принятия срочных мер, в числе которых должны быть дополнительные стимулы и льготы как для населения, так и для бизнеса. Кроме того, необходимо вновь сформировать привлекательный и значимый образ региона и, возможно, начать его объединение, используя опыт создания Северного края в 1929 г. и саму идею Русского Севера. Во всяком случае, культурная основа для объединения уже имеется.

Важно заметить, что концепция Русского Севера как единой культурной провинции никогда не была столь устойчивой, как конкурирующая с ней панфинская идея, идея Великой Финляндии и ее «наследница» — концепция «Финно-угорского мира». Вместе с тем политический и культурный ресурс проекта «Русский Север» представляется нам более значительным, поскольку он никогда за более чем вековую историю существования не принимал такой агрессивной формы, как это было с панфинской идеей (идеей «Великой Финляндии») между двумя мировыми войнами.

Список литературы (References):

Ануфриев В. В. Русские поморы. Культурно-историческая идентичность. М. : Российский институт культурологии. 2008.

Anufriev V. V. (2008) Russian Pomors. Cultural and historical identity. Moscow: Russian Institute of Cultural Studies. (In Russ.)

Арсентьев Н. М., Доленко Д. В., Юрченков В. А. Центр и периферия: история России или множества российских? // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всероссийской конференции финно-угроведов. Саранск : Типография «Красный Октябрь». 2000. С. 16—25.

Arsentyev N. M., Dolenko D. V., Yurchenkov V. A. (2000) Center and periphery: the history of Russia or a variety of Russia? In: Finno-Ugric World: History and Modernity. Materials of the II All-Russian Conference of Finno-Ugric Studies. Saransk: Typography «Red October». P. 16—25. (In Russ.)

Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М. : ОГИ. 2009.

Bernshtam T. A. (2009) Folk culture of Pomorze. Moscow: OGI. (In Russ.)

Бусырева Е. В. Сохранение и трансформация этничности в финских семьях на Кольском полуострове (60-е годы XIX в. — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 2016.

Busyreva E. V. (2016) Preservation and transformation of ethnicity in Finnish families on the Kola Peninsula (60-s of the XIX century — early XX century). Author's abstract. Diss. Cand. Hist. Sciences. Izhevsk. (In Russ.)

Витов М. В. Этнография Русского Севера. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 1997.

Vitov M. V. (1997) Ethnography of the Russian North. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Дранникова Н. В. Чудь в устной традиции Архангельского Севера. Архангельск: Поморский университет. 2008.

Drannikova N. V. (2008) Chud in the oral tradition of the Arkhangelsk North. Arkhangelsk: Pomor University. (In Russ.)

Жеребцов И. Л., Сметанин А. Ф. Коми край. Очерки о десяти веках истории. Сыктывкар: Коми книжное издательство. 2003.

Zherebtsov I. L., Smetanin A. F. (2003) Komi Area. Essays on the ten centuries of history. Syktyvkar: Komi publishing house. (In Russ.)

Жеребцов И. Л., Шабаяев Ю. П. От Батиева до Спиридонова. Сыктывкар: Фонд социальных и политических инициатив РК. 1997.

Zherebtsov I. L., Shabayev Yu. P. (1997) From Batiev to Spiridonov. Syktyvkar: Foundation for Social and Political Initiatives of the Republic of Kazakhstan. (In Russ.)

Захарова Н. Н. Архангельский север в древнескандинавской литературе // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 5. Архангельск: Поморский университет. 2011. С. 421—428.

Zakharova N. N. (2011) The Arkhangelsk North in Old Scandinavian Literature. In: Geocultural Space of the European North: Genesis, Structure, Semantics: Sat. sci. articles. Pomor readings on semiotics of culture. Issue. 5. Arkhangelsk: Pomor University. P. 421—428. (In Russ.)

Кадю Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860—1940. М.: НЛО. 2010.

Kadio J. (2010) Laboratory of the Empire: Russia/USSR. 1860—1940. M.: UFO. (In Russ.)

Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006.

Calhoun K. (2006) Nationalism. M.: Publishing house «Territory of the Future». (In Russ.)

Кангаспуро М. Взлет и падение «красных финнов» // Север. 1997. № 11—12.

Kangaspuro M. (1997) The rise and fall of the «red Finns». *North*. № 11—12. (In Russ.)

Кузиванова О. Ю., Попов А. А., Сметанин А. Ф. В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. 1996.

Kuzivanova O. Yu., Popov A.A., Smetanin A. F. (1996) At the beginning (Essays on the history of the formation and development of Komi autonomy). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Куликов К. И. Дело «СОФИН». Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН. 1997.

Kulikov K. I. (1997) The case of «U. L. Fin.N.». Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature UB RAS. (In Russ.)

Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос // Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1968. Т. 23.

Lenin V. I. (1968) The working class and the national question / Full. collected. op. 5 ed. Moscow: Politizdat. T. 23. (In Russ.)

Лукин Ю. Ф. О русском поморе замолвите слово // Арктика и Север. 2012. № 71. С. 12—18.

Lukin Yu. F. (2012) On the Russian pomor, say the word. *Arctic and North*. No. 71. P. 12—18. (In Russ.)

Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М. : КДУ. 2005.

Malakhov V. S. (2005) Nationalism as a political ideology. M.: KDU. (In Russ.)

Мартынов А. Я. Культура древнего населения бассейна Северной Двины // Культура Русского Севера. Л. : Наука. 1988. С. 22—44.

Martynov A. Ya. (1988) Culture of the ancient population of the Northern Dvina basin. In: Culture of the Russian North. Leningrad: Science. P. 22—44. (In Russ.)

Мусаев В. И. «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX — XX вв.) // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2007. № 10. С. 77—48.

Musaev V. I. (2007) «Finnizaters» and «russificators». Documents on the history of the struggle for influence in Karelia (late XIX — XX centuries). *Nestor. Journal of History and Culture of Russia and Eastern Europe*. № 10. P. 77—48. (In Russ.)

Нильсен Й. Новая земля — «ничейная земля»? // Народы и культуры Баренцева региона. Тромсе : Университет Тромсе, 1996. С. 43—52.

Nielsen Jens. (1996) Is the new land a «no man's land»? In: *Peoples and cultures of the Barents region*. Tromsø: University of Tromsø. P. 43—52. (In Russ.)

Поморская энциклопедия / под ред. В. Н. Булатова. Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2001. Т. 1. История Архангельского Севера.

Pomeranian Encyclopedia (2001) / Ed. by V. N. Bulatova. Arkhangelsk: Pomor State University. Vol.1. History of the Arkhangelsk North. (In Russ.)

Размолодин М. Л. О разности фундаментальных основ черносотенной и националистической доктрин в России начала XX века // Клио. 2011. № 2 (53). С. 153—155.

Razmolodin M. L. (2011) On the difference in the fundamental foundations of the Black-Hundred and nationalist doctrines in Russia at the beginning of the twentieth century. *Klio*. № 2 (53). P. 153—155. (In Russ.)

Скоробогатова Е. А. Искусство Русского Севера. М. : Белый город. 2008.
Skorobogatova E. A. (2008) Art of the Russian North. M.: The White City. (In Russ.)

Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М. : Новое литературное обозрение. 2008.

Slezkin Yu. (2008) Arctic mirrors. Russia and the small peoples of the North. M.: New literary review. (In Russ.)

Сурво А. «Несуществующая» война Великой Финляндии // Семиозис и культура. Вып. 3. Сборник научных статей. Сыктывкар : КГПИ. 2007. С. 36—52.

Survo A. (2007) «The non-existent» war of Great Finland. Semiosis and culture. Issue. 3. Collection of scientific articles. Syktyvkar: KGPI. C. 36—52. (In Russ.)

Сурво А. А. Уральский миф // Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. Вып. 5. Сыктывкар : КГПИ. 2009. С. 124—129.

Survo A. A. (2009) The Ural Myth. Semiosis and Culture. Philosophy and phenomenology of the text. Issue. 5. Syktyvkar: KGPI. C. 124—129. (In Russ.)

Терещенко Е. Ю. Морская культура Кольского Севера: историческая типология и современная морфология : автореф. дис. ... докт. культурологии. С.-Петербург. 2017.
Tereshchenko E. Yu. (2017) Marine culture of the Kola North: historical typology and modern morphology. Author's abstract. Dissertation. Doct. culturology. St. Petersburg. (In Russ.)

Тишков В. А. Национальности и национализм на постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах : материалы междунар. Конф. 1993 г. М. : Наука. 1994. С. 9—34.

Tishkov V. A. (1994) Nationalities and Nationalism in the Post-Soviet Space (Historical Aspect). In: Ethnicity and Power in Polyethnic States: Materials of the Intern. Conf. 1993. Moscow: Science. P. 9—34. (In Russ.)

Тишков В. А., Шабает Ю. П. Этнополитология : Политические функции этничности. Издание 2-е исправленное и дополненное. М. : Изд-во МГУ. 2013.

Tishkov V. A., Shabayev Yu. P. (2013) Ethnopolitology: Political functions of ethnicity. 2-nd ed. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)

Федоров П. В. Северный вектор в российской политике. Центр и Кольское Заполярье в XVI—XX вв. Мурманск : МГПУ. 2009.

Fedorov P. V. (2009) Northern vector in Russian politics. Center and the Kola Peninsula in the XVI—XX centuries. Murmansk: Moscow State Pedagogical University. (In Russ.)

Федоров П. Европа: разноликая общность [Электронный ресурс] // Апология. Гуманитарный журнал. 2007. № 10. URL: http://www.intelros.ru/readroom/apologi/10_2007/1095-petr_fedorov_evropa_raznolikaja_obshhnost.html (дата обращения: 19.12.2017).

Fedorov P. Europe: the diversity of commonality. Apology. Humanitarian journal. 2007. № 10. URL: http://www.intelros.ru/readroom/apologi/10_2007/1095-petr_fedorov_evropa_raznolikaja_obshhnost.html (accessed: 19.12.2017). (In Russ.)

Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА. № 29. М. 1952.

Foss M. E. (1952) The oldest history of the North of the European part of the USSR. MIA. № 29. M. (In Russ.)

Цветкова И. К. Неолитические поселения в районе Белого озера // Сборник по археологии Вологодской области / под ред. А. Я. Брюсова. Вологда : Вологодское книжное издательство. 1961. С. 47—71.

Tsvetkova I. K. (1961) Neolithic settlements in the White Lake area. In: Collection of archeology of the Vologda region / Ed. by A. Ya. Bryusov. Vologda: Vologda publishing house. С. 47—71. (In Russ.)

Шабает Ю. П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М. : ЦИМО, 1998.

Shabaev Yu. P. (1998) Ethnocultural and ethno-political development of the Komi people in the 20th century. Moscow: TsIMO. (In Russ.)

Шабает Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134—153.

Shabaev Yu. P., Zherebtsov I. L., Zhuravlev P. S. (2012) «Russian North»: cultural boundaries and cultural meanings. The World of Russia. № 4. С. 134—153. (In Russ.)

Шабает Ю. П. Культурный апокалипсис или гражданская консолидация // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 28—36.

Shabaev Yu. P. (2013) Cultural apocalypse or civil consolidation. *Sociological Studies*. № 3. P. 28—36. (In Russ.)

Шабает Ю. П., Садохин А. П. Региональный национализм. Экспертный анализ идеологии финно-угорских этнических движений в России. М. : DirectMEDIA. 2014.

Shabaev Yu. P., Sadokhin A. P. (2014) Regional nationalism. Expert analysis of the ideology of Finno-Ugric ethnic movements in Russia. M: DirectMEDIA. (In Russ.)

Шабает Ю. П., Истомин К. В. Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы (изъватас) и коми-пермяки как «другие» коми // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 99—114.

Shabayev Yu. P., Istomin K. V. (2017) Territoriality, ethnicity, administrative and cultural boundaries: Komi-Izhemtsy (Izvatatas) and Komi-Permyaks as «other» Komi. *Ethnographic Review*. № 4. P. 99—114. (In Russ.)

Шабает Ю. П., Подплекин А. О. Европейский север России: этнополитика и кризис местных сообществ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13. № 1. С. 103—122.

Shabaev Yu. P., Podoplekin A. O. (2017) European North of Russia: Ethnopolitics and the crisis of local communities. *Political Expertise Journal*. Vol. 13. № 1. P. 103—122. (In Russ.)

Шабает Ю. П., Чарина А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России. Спб. : Институт сервиса и экономики; ИЭА РАН. 2010.

Shabaev Yu. P., Charina A. M. (2010) Finno-Ugric nationalism and civil consolidation in Russia. Spb.: Institute of Service and Economics; IEA RAS. (In Russ.)

Штрихи этнополитического развития Коми Республики. Очерки. Документы, Материалы / сост. Ю. П. Шабаяев. М. : ЦИМО. 1994. Т. 1.

Strokes of the Ethnopolitical Development of the Komi Republic. Essays. Documents, Materials (1994) / compiled by Yu. P. Shabayev. Moscow: CIMO. Vol. 1. (In Russ.)

Энгельгардт А. П. Русский Север. Путевые записки. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1897.
Engelhardt A. P. (1987) Russian North. Travel notes. SPb.: A. S. Suvorin. (In Russ.)

Karemaa O. (1998) Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä: venäläisviha Suomessa 1917—1923. Helsinki: Suomen historiallinen seura. (Bibliotheca historica, 30).

Karemaa O. (1998) Enemies, persecutors, vermin: Russian wars in Finland 1917—1923. Helsinki: Finnish Historical Society. (Bibliotheca historica, 30). (In Finn.)

Waris H. (1939) Savo-karjalaisen osakunnan historia. Porvoo — Helsinki: Söderström.

Waris H. (1939) The History of the Savo-Karelian Society. Porvoo — Helsinki: Söderström. (In Finn.)

Hirsch F. (2005) Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union Chichester. Itaca, NY: Cornell University Press.